

УДК 72.03

Брумфилд У.К.

Азиатские мотивы в церковной архитектуре Сибири в XVIII веке

Asian motives in church architecture of Siberia in XVIII

Русские связи с азиатскими народами и культурами представляют тему, границы которой ещё не исследованы, особенно во взаимоотношениях русской и азиатской архитектур. Настоящая статья не пытается дать детальную картину этой обширной темы русско-азиатских отношений, но отмечает специфические примеры, главным образом, в сибирской церковной архитектуре XVIII века, которые указывают на восприимчивость России к восточноазиатскому декору.

Ключевые слова: *Сибирь, Тобольск, Бурятия, русская церковная архитектура, буддистская архитектура*

Russian communications with the Asian people and cultures represent a theme which borders are not investigated yet, especially in mutual relations of Russian and Asian architecture. The present article does not try to give a detailed picture of this extensive theme of the Russian-Asian relations, but marks specific examples, mainly in the Siberian church architecture of a XVIII-th century which specify in a susceptibility of Russia to the East Asian decor.

Key words: *Siberia, Tobolsk, Buriatia, Russian Orthodox church architecture, Buddhist architecture*

За восточными берегами Байкала слияние русской и местных культур – практически, бурятов – принимает ещё более разнообразные формы. Первые русские поселения к югу и востоку от озера Байкал на территории, известной как Забайкалье, или, ещё шире, Даурия, появились в середине XVII века. На этом раннем этапе казаки и служивые люди разведывали новые торговые пути в Китай, а также стремились собирать дань в форме пушнины (главным образом соболей мех) у местных жителей, бурятов и тунгусов. Первая русская крепость (острог) на этой огромной территории была построена в 1648 году и реки Баргузин за 40 километров от восточных берегов озера Байкал.

Однако направление заселения русских в западном Забайкалье вскоре переместилось к югу вдоль более удобной реки Селенги. Селенга, берущая своё начало в Монголии, являющаяся самой большой рекой, впадающей в озеро Байкал, с XVII по XVIII век служила главным кана-

Окончание. Начало в № 2, 2011 г.

БРУМФИЛД Уильям Крафт (William Craft Brumfield), д.слав.яз., профессор славистики Университета Тулейна (г. Новый Орлеан, США)

Все фотографии сделаны Уильямом Брумфилдом

Рис. 8. Посольское. Собор Преображения Господня, Преображенский монастырь. Юго-западная сторона.

лом для торговли и расселения на восток. Стало очевидно, что основной стратегический пункт расположен на Селенге в месте её слияния с Удой, и в этом месте, на крутом берегу над соединяющимися реками, в октябре 1665 года была построена Удинская крепость, служившая зимовьем [35].

В последнее десятилетие XVII века важность Удинского поселения как места торговли зерном возросла благодаря размерам крепости вопреки номинальному превосходству Селенгинской крепости (см. ниже), расположенной ближе к китайской границе. Нерчинский договор, заключенный между Россией и Китаем в 1689 году, предусматривал уход России с обширных территорий Амурского бассейна, но делал более устойчивым положение таких русских поселений, как Удинск, который получал определенную выгоду не только от торговли, но и от поездок высокопоставленных дипломатов в Китай [1, с. 72-75; 41]. Первая церковь поселения, посвященная Всемиловитому Спасу, была построена из дерева в 1696 г.

Возрастающее значение Верхнеудинска, как он стал известен в XVIII веке, также базировалось на его роли административного центра западного Забайкалья и его расположении у одного из главных восточных торговых путей от Иркутска к городам Кяхтинская Слобода и Троицкосавск у монгольской границы. К 1780 г. в городе проходили по две торговые ежегодные ярмарки, в конце зимы и в середине лета. Как и для других провинциальных русских городов времен правления Екатерины Великой, для Верхнеудинска был разработан детальный план, одобрен-

Рис. 9. Посольское. Собор Преображения Господня, Преображенский монастырь. Западный фасад с главным порталом.

ный в 1793 г. [22, с. 17]. Хотя план был изменен в 1839 году, многие из его особенностей сохранились и поныне.

Растущая экономическая активность Верхнеудинска в конечном итоге сделала возможным строительство первой каменной церкви, Кафедрального собора Одигитриевской иконы Богородицы, начатое в 1741 г. неподалеку от одноименной деревянной церкви, построенной в начале XVIII века. Как и в других случаях, типичных для строительства каменных церквей от Соликамска на Русском Севере до Енисейска и Иркутска, церковь возводилась в два этапа (*фото 7*). Нижняя церковь (использовавшаяся зимой) была завершена в 1770 г. Ее алтарь был посвящен Богоявлению. Верхняя церковь с главным алтарем была освящена только в 1785 г. [10, с. 28-29; 23, с. 27-29; 22, 21-25]. Неудивительно, что основной план и детали экстерьера Собора Одигитриевской иконы связаны с более ранними церквями Иркутской области, такими как церковь Спаса Нерукотворного в Иркутске и, ещё более тесно, с церковью Спаса Нерукотворного в Урике и церковью Архангела Михаила (Св. Харлампия) в Иркутске, – все – явные примеры «Сибирского барокко» [28, с. 119-120]. Двойные фронтоны окон собора и ярко выраженные наличники характерны для церковного зодчества XVIII века восточнее Урала, в том числе для региона Енисея. Также, к чертам барокко относятся волюты, соединяющие барабаны под главным куполом и куполами алтаря, равно как и овальные окна, расположенные на уровне крыши.

Восточные элементы, однако, заметнее в другом примере православной церковной архитектуры в Бурятии конца XVIII века: у собо-

ра Преображенского монастыря, расположенного в селе Посольское на восточном берегу озера Байкал (*фото 8*). Вопрос происхождения монастыря осложнен дискуссиями о расположенном неподалеку Троице-Селенгинском монастыре, монахам которого была дана земля, право на рыбную ловлю, а также прилегающие воды Байкала как часть их владений. К концу XVII века казначей этого монастыря Макарий построил маленькую часовню в память об убитом в 1661 году Ерофее Заболотском, царском эмиссаре в Монголии, чей отряд был разбит местными бурятами [33; 23, с. 17-18]. С того времени это место стало называться «Посольское».

Однако Игнатий, митрополит Сибири и Тобольска, решил расширить памятник и в 1770 г. подписал грамоту, оговаривавшую строительство алтаря дополнительно к часовне. Так возникла церковь, посвященная Иконе Знамения Богородицы. Содержание этой церкви привело к появлению отдельного монастырского института, поддержанного двумя указами (в 1707 и 1713 гг.) Петра I, направленными против оппозиции Троицкого монастыря, который противился уменьшению своих владений [22, с. 122-123]. В этот период новый монастырь в Посольском получал активную поддержку со стороны Григория Осколкова, известного купца, связанного с торговлей в Кяхтинской Слободе [23, с. 18]. Осколков, похороненный в монастыре в 1714 г., оставил значительные средства, в том числе 300000 кирпичей и другие материалы, на постройку собора, посвященного Преображению. Однако проект каменной церкви был остановлен, когда Петр I запретил строительство каменных храмов за пределами его новой столицы, Санкт-Петербурга [22, с. 123]. Поэтому церковь была построена из дерева и освящена в 1722 г.

Парадоксально, но судьба Преображенского монастыря изменилась к лучшему после пожара в 1769 г., разрушившего обе его деревянные церкви, как и часть монастырских построек. Несмотря на падение статуса монастыря во времена правления Екатерины Великой, были найдены средства на возрождение проекта каменной церкви, в большой степени благодаря тому обстоятельству, что кирпичи, запасенные Осколковым шестьюдесятью годами ранее, были все ещё пригодными. Строительство Преображенской церкви началось в 1773 г. и завершилось в 1778 г., вероятно, в нем принимали участие каменщики из Иркутска, откуда можно было попасть в монастырь, переплыв Байкал.

План Преображенской церкви отражает типично сибирскую композицию, состоящую из зимней церкви, расположенной на первом ярусе (посвященной Иконе Знамения), и верхней церкви с главным алтарем и двумя рядами окон. От апсиды до основной структуры, от трапезной до колокольни – все компоненты и их пропорции имеют сходство с аналогичными элементами Одигидриевского Собора в Верхнеудинске. Орнамент фасада, однако, имеет другой порядок. К сожалению, Преображенская церковь была серьезно повреждена в советские времена, когда купола над обеими главными структурами, апсида и вся верхняя часть основной структуры были разрушены. Тем не менее, от фасадов осталось достаточно, чтобы увидеть сложность каменного орнамента церкви. Даже Одигидриевский Собор уступает ему в своем орнаменте вопреки общему сходству. Окна Преображенской церкви с терракотовыми пилястрами и соединенными фронтонами над вторым уровнем, завершаются жестким, хотя и наивным, зубчатым орнаментом, который разделяет два уровня всей структуры. Подобные мотивы присутствуют и у других церквей в бассейне Енисея, особенно в самом Енисейске. Другие мотивы фасада связаны с церковной архитектурой в Иркутске. Например, сложные терракотовые фигуры по углам каждого из структурных компонентов в Преображенской церкви напоминают стилизованные гуманоидные

фигуры по углам церкви Воздвижения Креста.

Самая замечательная особенность Преображенской церкви – это её возвышающийся западный портал (*фото 9*) с уникальной замысловатой конструкцией. Здесь есть прямое сходство с такими енисейскими памятниками, как Троицкая церковь, чье строительство было начато в 1772 г., экстерьер был завершен в 1776 г., интерьер – в 80-е гг. XVIII века [32, с. 99-101; 8, с. 43-45]. Кроме элементов церковного зодчества Вологды и Урала, Троицкая церковь включает в себя и характерные особенности, присущие как Восточной, так и Западной Сибири. Хотя эта прекрасная церковь было значительно разрушена в советский период, а то, что осталось, используется под склад, сохранившаяся структура имеет отчетливые оконные бордюры с треугольными фронтонами, которые, возможно, несут в себе азиатские мотивы.

Каково бы ни было сходство между западным порталом в Посольском и сохранившимися фрагментами западного фасада Троицкой церкви в Енисейске, для храма в Посольском характерна более пышная техника бордюров, кульминирующая в резном фронтоне над дверью. Эта комплексная форма узора встречается и у окон основной структуры церкви Воздвижения Креста в Иркутске. Северный и южный порталы иркутской церкви, однако, решены иначе – замечательным, по-своему, образом – благодаря использованию детального терракотового орнамента. Кроме того, первоначальный западный портал иркутской церкви был частично скрыт позднейшими перестройками и добавлениями.

Таким образом, портал Преображенской церкви в Посольском весьма необычен благодаря тому, что он хорошо сохранился, а также благодаря декоративной сложности. Западная сторона ансамбля – портал, резные рамы, рельефные фигуры с каждой стороны, – производят впечатление, что он далек от православной архитектуры. Действительно архаическая сила замысла экстраординарна, она словно творит преддверие храма, где служат некий неясный обряд. Как и в случаях наличия соответствующих форм и орнаментальных мотивов на фасадах других церквей в бассейне Енисея, в Посольском также существует вероятность восточного источника, хотя Преображенской церкви недостает таких явно буддистских элементов, как колесо Дхармы, имеющих у церкви Воздвижения Креста. В действительности, буддизм в его индо-тибетском варианте, – не единственный возможный источник орнаментов, особенно ввиду культур бурятов и якутов.

В то же время вопрос архитектурного происхождения храмов в Посольском остается вопросом спекуляции. Один специалист недвусмысленно заявил, что Преображенская церковь и церковь Воздвижения были построены одним и тем же архитектором, утверждающим, что внимательное изучение архитектуры Преображенской церкви и церкви Воздвижения Креста позволяет сделать заключение, что они были построены одним зодчим, что в архитектуре Преображенской церкви мотивы, которые были развиты в поразительном иркутском храме, не только повторяются, они переработаны по-новому, и, главное, использованы с убедительной экономикой и логикой [22, с. 126-127].

Все же, при чисто формальной оценке, западный, основной, фасад церкви в Посольском ближе к фасаду Троицкой церкви в Енисейске. Возможно ли, что один и тот же мастер (или мастера) участвовали в строительстве всех трех церквей – в Иркутске, в Енисейске и в Посольском? И откуда этот мастер (или мастера) так хорошо знали азиатский орнамент? Безусловно, водный путь Енисей-Ангара-Байкал служил проводником для идей, людей и материалов, в то время как река Селенга продолжала этот путь к Монголии и Китаю. Но в отсутствии документальных свидетельств это мнение остается гипотезой, учитывающей возможность орна-

ментального влияния со стороны буддизма и других азиатских источников. И все же допущение такого влияния вполне рационально, особенно в виду первоначальной миссии Преображенского монастыря, призванного распространять православную веру среди бурятов. В этом отношении вход в Преображенскую церковь мог бы быть поразительным символом православия в Азии [23, с. 2[3].

Один из позднейших примеров восточных мотивов в орнаменте фасадов храмов XVIII века относится к Покровской церкви в Красноярске, старейшему из сохранившихся памятников в городе. Строительство церкви было начато в 1785 г., два боковых алтаря завершены в 1790 г., однако главный алтарь был освящен лишь в 1795 г. [37, с. 157]. Главная структура церкви кульминирует в вытянутом барабане и куполе. Но внешний фасад, покрашенный в красный цвет с белыми деталями, украшен внизу значительным по размеру орнаментом, который, опять же ясно указывает на восточные корни и включает формы и ступы, и лотоса [7, с. 314-321].

Богатство эклектической архитектуры XIX в. в Иркутске лучше всего, вероятно, видно по красочной церкви во имя Казанской иконы Божьей Матери (не путать с разрушенным главным иркутским собором, посвященным ей же). Получившая пожертвование от купца Александра Сибирякова и построенная в 1885 – 1892 гг. Казанская церковь отражает пышный вариант русско-византийского стиля, обычного для позднего имперского периода [20, с. 73-74; 15, с. 120-121]. Мощные оранжевые стены храма, с четко выраженными формами и увенчанные бело-голубыми клетчатými куполами, напоминают что-то, стоящее ближе к британскому раджу в Индии XIX в., чем к типично русским храмовым постройкам того же периода. Цвета стен похожи на красный песчаник, применявшийся в так называемом индо-сарацинском стиле, где тоже часто использовались разнообразные полихроматические купола [48, с. 112-120]. Сравнение становится ещё более уместным, если принять во внимание близость Иркутска к азиатским странам. Как конкурирующая имперская сила Россия, безусловно, знала о британской манере индийского правления в Индии и примерах использования архитектуры в том стиле. И вне зависимости от вопроса идентичности Казанской церкви зодчий (вероятно, учившийся или живший в Санкт-Петербурге) мог видеть опубликованные иллюстрации британской имперской архитектуры в Индии. Действительно, церковное строительство в Сибири во все возрастающих объемах, даже до Транссибирской железной дороги, являет сходное использование внушительных, исполненных символизма архитектурных форм как способ установления государственного присутствия на обширной территории в Азии.

Данный обзор орнаментальных форм на фасадах сибирских церквей (преимущественно XVIII столетия) демонстрирует возможные азиатские корни некоторых из наиболее явных мотивов. В частности, традиционная восходящая форма ступы с остроконечной заостренной формой, похоже, использовалась и во фронтонах окон, и в орнаменте фасадов между окнами. Более того, вероятно, эти мотивы, не являясь признаком принятия буддизма, являются чисто орнаментальными и возникают благодаря интенсивным торговым контактам между сибирскими городами (особенно расположенными у монгольской границы) и Китаем. Тем не менее, специфические формальные источники ближе не к китайской храмовой архитектуре, а к монголо-тибетской, которая, в свою очередь, унаследовала многое от индийских форм. Эти вопросы требуют дальнейшего исследования в интересах углубления нашего знания о взаимоотношениях русской и азиатской культур.

Литература

1. Артемьев, А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. Владивосток: ДВО РАН, 1999.
2. Болдырев-Казанцев Д.А. Народное искусство Сибири // Сибирская живая старина. Сб. 2. Иркутск, 1924.
3. Бочаров Г., Выгулов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М.: Искусство, 1983.
4. Брумфилд У. Великий Устюг: Взгляд через объектив американского ученого-фотографа // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Т.2. Вологда: Легия, 2000. С. 350-356.
5. Брумфилд У. Святые Русского Севера. Вологда: Арника, 2001.
6. Брумфилд У. Памятники церковной архитектуры Тотемского района // Тотьма: Краеведческий альманах. Т.3. Вологда: Легия, 2001. С. 278-285.
7. Буконина Г.Ф., Гринберг Ю.И., Шумов К.Ю. Покровская церковь в Красноярске – памятник архитектуры XVIII века // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 314-321.
8. Гнедовский Б.В., Добровольская Э.Д. Вверх по Енисею. М.: Искусство, 1980.
9. Грабарь И.Е. История русского искусства. Т.2. М.: Кнебель, 1909.
10. Гурьянов В.К. По Большой, Большой Николаевской. Улан-Удэ: БНТс СО РАН, 1998.
11. Единархова Н. О чае и чайной торговле // Земля Иркутская. 1996. №5. С.17-18.
12. Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. М.: Искусство, 1987.
13. Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества. СПб.: Стройиздат, 1995.
14. Калинина И. Культурное православное зодчество // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск: ВСКИ, 1993.
15. Калинина И. Православные храмы Иркутской епархии. М.: Галарт, 2000.
16. Кириллов В.В. Тобольск. М.: Искусство, 1984.
17. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII-XVIII вв. Новосибирск, 1979.
18. Кошнев А.Н. О дате основания Иркутска // История СССР. 1960. №4.
19. Корзун А.В. Особенности культовой архитектуры Иркутска // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск: ВСКИ, 1993. С.370-376
20. Крючкова Т. Усердием и капиталом. О меценатстве при строительстве Иркутских церквей // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 66-75.
21. Лукомский Г. Памятники старинной архитектуры России // Наша провинция. СПб., 1916.
22. Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск: Наука, 1983.
23. Митыпова Е.С. Православные храмы в Забайкалье (XVII – нач. XX вв.). Улан-Удэ: БГУ, 1997.
24. Огли Б.И. Архитектурные памятники Иркутска XVIII-начала XIX вв. // Архитектурное наследие. 1979. №27. С.161-169.
25. Перцева Т. Письма из Урика // Земля Иркутская. 1996. № 6. С. 60-65.
26. Полунина Н. Живая старина Приангарья. М.: Искусство, 1990.
27. Полунина Н. У истоков каменного града. Иркутск: ВСКИ, 1979.
28. Проскурьятова Т.С. Особенности сибирского барокко // Архитектурное наследие. 1979. №27. С.147-160
29. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII-первой половины XIX в. Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993
30. Резун Д. По поводу даты основания Иркутска // Земля Иркутская. 1994.

№ 1. С.4-5.

31. Романцева Т. Духовный вертоград Сибири // Земля Иркутская. 2000. №14. С.6-7

32. Рукша Г.Л., Быкония Г.Ф., Дроздов Н.И. и др. Памятники истории и культуры Красноярского края. Т.1. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989.

33. Румянцев Г.Н. Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Улан-Удэ: [б. и.], 1960

34. Серебренников И.И. О старинных домах и церквях в Иркутской губернии. Иркутск, 1915

35. Тиваненко А.В. Удинский острог: первое столетие Улан-Удэ. Улан-Удэ: БНТс СО РАН, 1995

36. Торшинина Т. Знаменский монастырь // Земля Иркутская. 1998. № 10. С.24-27

37. Царев В.И., Крушлинский В.И. Красноярск: история и развитие градостроительства. Красноярск: Кларетианум, 2001

38. Чернявская О. Из истории винокурения в Иркутской губернии // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 22-24

39. Шахеров В. Для пользы сообщества достаток источая // Земля Иркутская. 1996. № 5. С.2-10.

40. Шахеров В. Реформатор из Иркутска (Жизнь и взгляды иркутского купца Федора Щегорина) // Земля Иркутская. 1994. №1. С.9-14.

41. Bell J. A Journey from St. Petersburg to Peking (1719-22). N.Y.: Barnes and Noble, 1966

42. Brumfield W.C., A History of Russian Architecture. Cambridge: Cambridge University Press, 1993

43. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in the Irkutsk Region of Eastern Siberia: Visual Resources, 19 (2003) 2:107-147

44. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in Siberia: Tiumen Province: Visual Resources, 16 (2000) 4:309-50.

45. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in the Russian North: Vologda Province: Visual Resources, 14 (1998) 1:71-106.

46. James, C.Y. China: Dawn of a Golden Age, 200-750 AD. New York: Metropolitan Museum of Art, 2004.

47. Marks S. Conquering the Great East // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1995. P.33-34

48. Metcalf T.R. An Imperial Vision: Indian Architecture and Britain's Raj. Berkeley: Univ. of California Press, 1989

49. Mitra D. Buddhist Monuments. Calcutta: Sahitya Samsad, 1969

50. Rowland B. The Art and Architecture of India. Harmondsworth: Penguin Books, 1953

51. Sickman L., Soper A. The Art and Architecture of China. Harmondsworth: Penguin Books, 1971